

An anatomical illustration of a human torso, focusing on the respiratory and nervous systems. The lungs are highlighted in a bright yellow-orange color, while the surrounding structures, including the trachea, bronchi, and the network of nerves, are shown in a translucent, wireframe-like style. The background is dark with some blurred red and yellow circular shapes. A circular age rating badge is in the top right corner.

18+

Илья Либман

Второе дыхание

0+

Илья Либман

Второе дыхание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34710194

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга описывает жизнь группы людей, живущих в США. Их будни и отдых, постоянные поиски новых путей и стремление к лучшему, встречи и новые знакомства, сладость побед и горечь поражений. Быть талантом в современном обществе невозможно в одиночку, но даже и в компании не все так просто, особенно если в ней выходцы из разных республик бывшего СССР. Помимо главной линии истории, описываются типажи и характеры западного полушария. События в повести вымышлены, совпадения с реальностью – случайны. Для дизайна обложки обложки использовалась фотография автора.

Содержание

Илья Либман.	4
Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Илья Либман. Второе дыхание.

Повесть.

Часть первая

Глава первая

Жизнь в штатах научила никогда не чувствовать себя комфортно относительно существующего трудоустройства. Казалось бы, когда компания работает на полную мощность, есть заказы, сырье и не слишком много конкурентов, то можно бы спокойно заниматься своим делом, получать свой чек каждые 2 недели и планировать следующий отпуск туда, где еще не ступала нога человека.

Именно такое состояние вещей и застает тебя врасплох, когда приходит нехорошая новость. Беда может быть персональной, а может быть и общей. Персональная чаще случается, когда при незначительном росте производства прямая необходимость исчезает конкретно в тебе.

Вы можете спросить – каким образом. Да очень простым: ты сам себе могилу выкапывал, когда давал дружеские полу производственные наставления молодому специалисту прошлого года.

Да да, именно тому, кого взяли из жалости прошлым летом на место старшего лаборанта. Человек после колледжа не умеет и не знает практически ничего в нашем деле, независимо от его успехов во время учебы. Если бы не уме-

ние пользоваться компьютером, то и грош цена ему была бы неоправданно завышена.

Так случилось со мной 6 лет назад, когда я работал в лаборатории большой компании пищевой промышленности. Тот парень, Джеф, приехал в Нью Йорк из далекого Висконсина, где его родители, их братья и сестры с поколением ленивого переросткового потомства управлялись на семейной молочной ферме-заводе, продавая молочное локально. Джефу бы нашлось место в семейном бизнесе после окончания колледжа, но он решил не возвращаться домой, чтобы не напрягать никого своим дипломом, требованиями к переустройству всего хозяйства и высокой зарплаты для себя лично, а устроился он у нас на правах подай–принеси.

Я научил его правильно мыть посуду и показывал всякого рода трюки – как быстрее и продуктивнее получать результаты посевов, работать без отходов и записывать каждое свое движение на всякий случай. К несчастью, эта школьная привычка – запоминать почти все с полуслова еще не выветрилась из его головы. Где-то через пол-года его работоспособность заметил наш шеф и посмотрел на меня с сожалением. А еще через пол-года меня там не стало.

Потерять работу всегда неожиданно, даже если ты мысленно попрощался с ней, просто ходишь по инерции и готов к роковому объявлению.

6 лет назад, честно говоря, я был не готов. Специфика нашего производства диктует свои законы всем более или

менее состоявшимися специалистами. У всех у нас есть свои наработки, которые официально не принадлежат компании, потому что были отработаны без задания, а по собственной инициативе, но разумеется на оборудовании и из материалов компании. Дело в том, что при поступлении на работу все мы подписываем груду всяких бумаг, одна из которых говорит, что все, что было достигнуто-открыто-обнаружено есть имущество этой компании и не может быть использовано/запатентовано или продано в третьи руки без письменного разрешения этой компании. Возможно, что когда-то такое требование даже и не обсуждалось и беспрекословно исполнялось, но вот появились бывшие русские, для которых законы такого толка не могут быть писаны. Я помню одного киевлянина, вылитого Чарли Чаплина с седой головой и черными бровями, которому перевели смысл похожего документа. Перевод вызвал у киевлянина приобморочный взрыв смеха: «Совсем скурвились. Если у меня смерть в семье, так я что ли не могу своими же руками в обед себе оградку для кладбища сварить? А если чего-нибудь серьезнее изобрести: вечный двигатель или философский камень? Так, что ли, их это будет за бесплатно?...»

С тех пор увольнения в компаниях определенного толка очень часто происходят скоропостижно: сразу после объявления об увольнении человека ведут на его рабочее место, где под надзором кого-нибудь из охраны или непосредственного его начальника ему разрешают забрать все его

личные артефакты – деньги, ключи от дома, фотографии жен-любовниц, чашку-ложку и другое личное. Все остальное ему отправляют по домашнему адресу – почтой.

6 лет назад такое произошло и со мной, но мой казачек, Джеф, через неделю все мне вынес, что я попросил. И вообще он оказался человеком благодарным, хотя я громогласно об этом не говорил – мы с ним и сейчас иногда пересекаемся на полупрофессиональных сходках.

Я устроился тогда на работу довольно быстро, потому что время было неплохое и уволенных не целая контора, как это случилось сейчас.

Сейчас по нашему небольшому предприятию витаминной промышленности конкуренты прошли, как паровым катком. Наш хозяин, преклонного возраста дядечка, воевать войны не захотел, а просто продал компанию удачливым конкурентам на корню и дал возможность их боссу решать, что делать с рядовым составом. Все понимали, что выгонять будут постепенно, чтобы производство не встало и не было бы вредительств. Но все прекрасно чувствовали, кто и когда будет упразднен.

Когда новый менеджер с улыбкой в ширину плеч пришел к нам знакомиться, картина напоминала Ново-орлеанские похороны: в последний путь под нескучный джаз. Через неделю к нам прислали двоих «инфильтрантов», которые знали наше ремесло от А до Я. Те двое, Джош и Тош, почти не разговаривали друг с другом, а только кивали, оценивая

наши операции из-за плеча.

Мы все сидели, как на чемоданах, и ждали розовых открыток. Моя пришло в пятницу с полуденным боем часов. Волноваться особенно было нечего: у меня дети не плачут, и по пластикам я должен был всего лишь за отпуск с половиной, но что достало меня, так это злость, что не могу я сам распоряжаться своей жизнью.

Сытная жизнь притупляет в нас инстинкты хищников. От сытости трудно отвыкать, и чем старше мы становимся, тем больше сомнений и расчетов делаем до большого рывка. К тому же рубеж «нечего больше терять» не работает, потому что потерять можно многое.

Я вспомнил свой авантюризм на фармакологическом фронте в начале пути, когда из туркменистанского змеюшника мне привезли кило гюрзинового яда в желтоватых гранулах для срочной продажи по взаимно выгодной цене. Помню, как купил себе костюм и добивался встреч с покупателями от Мерка и Бристол Майерс. В те годы я не знал, что за такое, меня могли бы депортировать, предварительно заочив на пару ночек на Райкерс, где с моим еврейским счастьем я бы стал жертвой многонациональной групповухи с венерическими последствиями в лучшем случае.

Но ничего этого я не знал, и случай миновал меня. Стал бы я делать такое сейчас – не знает никто, но если бы и стал, то иным путем.

Размышлений о собственном бизнесе у меня никогда не

было. Может быть за исключением одного раза, когда меня все-же затащили работать на паях частным детективом. Было это очень давно, когда мы только приехали, и мой старинный знакомый с лошадиной кличкой Малыш собирал свое Второе Творческое Объединение. Вы спросите, почему же второе? Так все спрашивали. Потому что Первое случилось во время его первого посещения штатов в доисторические времена. Малышу было невозможно отказать безпричинно. Не такой он был человек, чтобы согласиться с безликим, что на нет и суда нет. Тем более, что именно он вывез мои деньги из Питера во время одного из своих прилетов туда в конце 80-х. Малыш знал, что у нас есть деньги. Так же он знал, что нам нельзя с ними никак легально светиться, чтобы не потерять социальную помощь и гранты на учебу.

Сам Малыш никогда не был детективом. Как говорят в Одессе: наоборот – он был инженером, но во время первого посещения штатов он стал детективом поневоле и научился бороться с преступностью в индустриальном комплексе.

Короче говоря, он деньги наши взял, как пай с отработкой. Мне работа детектива не понравилась с самого начала своей статичностью и прозябанием. Так что, как только я получил первое предложение работы в био лаборатории универа, то из детективов ушел в химики.

Напряжения с вложенными деньгами никакого не случилось, потому что детективная контора расцвела за 3 года, обрасла клиентурой, и Малыш продал ее, как дочернее пред-

приятие, агенству Пинкертона.

Почему-то так случается, что вспоминая я о Малыше в критические моменты моей жизни, например, когда теряю работу. Какое-то внутреннее чувство подсказывает мне, что Малыш вот-вот услышит, что я свободен и появится, как джин из бутылки.

Глава вторая

Итак, в понедельник утром, моим первым безработным утром за последние 6 лет, я проснулся в обычное для понедельника время и подумал, что теперь у меня есть возможность пожить по воскресному расписанию какое-то время, так чего терять его зря, и пошел в спорт зал. Сказать по правде спорта я не люблю, потому что был им отравлен в раннюю пору своей жизни, но это не помешало мне научиться держаться на коньках, держаться на воде, стрелять по движущимся мишеням и бесконечно мечтать – хоть в чем-нибудь быть первым. Первым никогда я не стал, не был я и вторым и именно эти состояния неудовлетворения привели меня к размышлениям, как это можно изменить. Я помню как сказал отцу, что мне необходимо подрасти выше, чем это было предназначено природой, что мне нужны уколы гормонами роста. Отец понял, что я удручен положением вещей и повел меня к специалистам, чтобы отвести удар от себя а заодно и определить, что можно сделать. Какой-то доктор спортивной медицины осмотрел меня с ног до головы и спросил: « На что жалуемся? » Я сказал про статью в журнале Знание-Сила о гормонах роста. Доктор подтвердил, что такие уколы уже есть на свете, но это достижение – самый пик медицинских достижений – доступно только потенциальным рекордсменам мира, шпионам-разведчикам и детям и внукам членов

Полит. Бюро.

Отец понимающе и с облегчением, сказал что я не шпион-разведчик, помог мне с одеждой и уже не слушал, что еще говорил доктор спортивной медицины. Я помню, как доктор стоял передо мной и говорил про вытягивание тела в позиции летучей мыши и что сколиоз в средневековье лечили дыбой.

На химфак в универ меня не приняли. Пришлось поступать на фармакологию в мед. институт. Аптечный бизнес в России мог бы быть доходным местом, если иметь связи и знать, с кем делиться. По распределению меня направили работать на завод витаминных препаратов сменным технологом. Работа была не бей лежачего, потому что третья смена практически простаивала из-за недостатка сырья или неисправности оборудования, покалеченного во время двух предыдущих смен. Всех это больше, чем устраивало: рабочие спали, читали, играли в домино или просто болтали обо всем. Мне работа эта подходила еще и потому, что в дневное время я мотался санитаром в Скорой помощи, чтобы скопить денег на Стратокастер, как у Джимми Хендрикса. Моя жизнь в те годы текла по расписанию безостановочного конвейера: смена на заводе, смена в Скорой помощи, репетиции и туса до 21:30 и опять – смена на заводе.

Там иногда я слышал разговоры между операторами различных станков, которые мгновенно прекращались при моем явном появлении рядом. Все, что успел понять было то,

что между ними шел какой-то упорядоченный обмен. Однажды я все-таки не выдержал и спросил у лаборантки, бабы Риты, о чем они говорят. Рита была настоящей бабушкой в свои сорок с мелочью лет и полюбила меня вместо зятя, которого у нее так и не случилось. Рита тогда посмотрела по сторонам, чтобы показать мне о конфиденциальности того, что собирается сказать и прошипела, что рабочие воруют мед. препараты с целью их продажи на сторону. Больше она мне ничего не сказала – я додумал схему сам.

На заводе выпускали не только витаминную продукцию. Точнее сказать, витамины были прикрытием для чего-то иного, но не обычных аптечных лекарств. Все знали, что в нескольких цехах-лабораториях что-то производилось, но никто толком не знал, что именно. Да и назывались те цеха почтовым ящиком. Поступить работать туда простым оператором считалось большим успехом.

Мое времяпровождение после смены на Скорой было довольно странным для парня с верхним образованием. Я крутился среди «рабочей молодежи», которая вовсе не работала. Часть ее кочевала стаями между школами, где проходили репетиции местных музынеров, и столовняками в новостройках, где они просиживали над десятикопеечными винегретами и котлетами из хлеба за принесенным с собою дешевым портвишком.

В те годы я пытался стать музыкантом, хотел сколотить ансамбль из талантливых, но непонятых бездельников, бро-

сивших свои ПТУ или вечерние школы. Многие из моих тогдашних приятелей имели незаконченное муз. образование, но играть в профессиональные коллективы их никто не приглашал. Только иногда некоторым из них удавалось «отсурлять жмура», если в местном кладбищенском оркестре кого-то не хватало.

Так и становились они безрукими фрезировщиками – шлифовальщиками с несыгранным фаможором.

От репетиций и общения с такой публикой я уставал больше, чем от 2-х работ.

Иногда случались столкновения на почве зала для репетиции или выступления.

На одной из таких стычек я и познакомился с Малышом. Мы должны были играть в клубе объединения Буревестник на новом обрядовом празднике «Проводы в Красную Армию». Знакомый моей мамани работал в объединении в профкоме. Он и организовал нам этот гиг.

Когда мы выкатили на сцену наше оборудование и шнуры, ко мне подошел не по-нашему прикинутый человек с хвостом и бородой и сказал, что его люди на этом барахле играть не будут.

За админа нашей группы обычно все приходилось говорить и делать мне, как самому старшему и трезвому. Я сказал человеку, что у нас есть подписанный договор на вечер с 7:30 до 10:30, заверенный печатью и тремя подписями, и уже было полез в задний карман, чтобы засветить его, но боро-

датый жестом показал, что не стоит и сказал, что у него тоже есть такая бумага и тут же спросил: «Вы за договор сколько отвалили?»

В те времена стало появляться «продуманное» головотяпство при организации самодеятельных концертов. В Питере существовала группа людей, которая за деньги устраивала контракты-договора для самодеятельных музыкальных коллективов: они продавали одно и тоже место и время двум-трем командам в надежде, что те разберутся сами или сыграют в долю. Впрочем, иногда таких устроителей все же ловили, отнимали деньги и били по зубам. Музыканты между собой дрались редко.

Тогда человек с бородой уверенно, но жестко сказал, что его команда отыграет первой, делая «открытие» для нас. Я знал, что на Западе все большие знаменитости выступают с открытием для них менее известными исполнителями, не мог предположить, что человек именно это имел в виду. То ли от моего молчания или из-за дурацкого выражения моего же лица, человек пустился в объяснения: «Представь себе, что к нам приехал ЛедЗеп с концертом, и публика уже обкурена и на рогах, как положено – вся в ожидании. Если бы Роберт Плант в такой момент вышел на сцену, то его разорвали бы в клочья. Поэтому сначала бы выпустили каких-нибудь наших Аргонавтов или Санкт-Петербург.»

Мои музыканты стояли рядом. Они остановили размотку шнуров и внимательно слушали бородатого, который сразу

уловил, что его слушают другие и обращался дальше не только ко мне: «Мужики, убирайте свои самопалы. Вы сегодня будете играть на серьезном инвентаре, как Эрик Клаптон и Дэвид Боуви...»

Мои петеушники расцвели от таких слов: «Толковый шеф. Ништяк, что сюда пригребли...»

Пока он разговаривал со своими музыкантами, я рассматривал его странный наряд: хлопчатая кофта с капюшоном, застиранные до белизны джинсы и детские сандали на босых загорелых ногах.

Когда концерт начался, он сел рядом с нами в последнем ряду. Был он не один, а с девушкой, явно американкой. Мы ждали перерыва, чтобы пойти на сцену и играть свою долю концерта. Человек выступления своих музыкантов не слушал, а отдавал все внимание своей девушке, явно американке: сидел к ней почти-что лицом и говорил что-то дикторским голосом, который сопровождался преувеличенной логопедной мимикой, но при этом он был серьезен.

Позже я узнал от него же, что именно таким образом речь человека более понятна американкам.

Глава третья

В спорт зале по понедельникам совершенно иная толпа, чем в мое обычное время, после работы. Точнее сказать нет никакой толпы. На соседней машине бежит молодая женщина, которая пытается сбросить набранный при последней беременности лишний вес. Одновременно она говорит по телефону с кем-то о новом ресторане, который должен открыться через пару недель.

Около зеркальной стены выступает перед самим собой наша местная знаменитость. Он, качек-бодибилдер, с образованием и средствами на публикацию собственного журнала. Кроме того он – промоутер нескольких продуктов для увеличения мышечной массы, которые продаются в клубе, через его журнал и в специальных магазинах. Он действительно знает свое дело: пару лет назад он увидел, как я выполняю толчок веса на машине и сказал, что-то про неправильное положение моих локтей, которое блокирует мышцы от полной нагрузки, и предложил мне свои услуги в качестве персонального инструктора. Мне такое было не по карману, и я отказался. Иногда он подходил к другим парням и предлагал им что-то с глазу на глаз. Скорее всего это были стероиды.

Я подумал о своих наработках за последние несколько лет. Они были довольно фрагментарны и опробованы только на крысах. Результаты тестов были положительными: крысы не

умирали и вели себя нормально по истечению времени действия уколов. Однако судить о побочных эффектах воздействия препарата на внутренние органы животных мне не удалось, потому что крысы были не мои и использовались компанией для других тестов. Одно время я подумывал испытать препарат на себе, но не был уверен в выборе дозы: пропорция массы тела человека и крысиной довольно велика, если вдруг что-то не так, то результат такого испытания может быть трагическим. Тем не менее у меня было изготовлено несколько капсул, которые ждали в холодильнике своего звездного часа.

После 40-минутной пробежки я отправился в сауну. К своему удивлению обнаружил в ней двух черных боксеров, полу профессионалов, которые спускали вес перед предстоящими соревнованиями. Их тренер сидел в предбаннике и следил за песочными часами. Я знал и раньше, что силовики, борцы и боксеры живут нормальную жизнь и тренируют свои тела обычно на одну, а то и две весовые категории выше, чем та, в которой они выступают. Таким образом они нагружают свои мышцы на большие веса, чем это необходимо для их весовой категории. А потом, непосредственно перед состязаниями, он спускают вес в парных, саунах и длительных пробежках. При этом они теряют не только жидкость тела, но и физическую силу, хотя и в меньшей степени. Двое в сауне говорили о предстоящих анализах мочи на стероиды и траву. Тогда-то в первый раз я подумал, что мой препарат не

оставляет в теле никакого следа через несколько минут после его употребления, но он был создан не для наращивания массы мышц а для увеличения скорости движения и выносливости сердечных мышц при перегрузках.

Парни не остановили своего разговора, несмотря на мое присутствие, и я подумал, что могу стать не просто слушателем. Оказалось, что они будут драться 9 раундов. Первая встреча предстоит в ближайшую среду, поэтому они и парятся. Я задал пару идиотско-дилетанских вопросов, типа правда ли, что им смазывают лица специальной мазью с примесью лидокаина для меньшей чувствительности от полученных ударов. Они переглянулись и сказали, что их мажут обычным вазелином с каким-нибудь антисептиком. Потом один из них спросил меня, откуда я знаю такое. Я сказал, что сам связан по работе с химией и многозначительно замолчал. Дверь в сауну открылась, и их тренер велел им выходить взвешиваться.

Я досидел свои 10 минут и пошел под душ. Боксеры были еще в предбаннике, но уже были одетыми. Они ждали меня. Я понял это сразу, когда один из них, не теряя времени, спросил меня, продается ли такая мазь в аптеках. Я сказал, что в аптеках продается что-то подобное, но намного слабее по сравнению с тем, что им могло бы пригодиться. Тогда другой спросил, не мог ли бы я помочь им с такой мазью. Я не торопился с ответом, потому что понимал – каждая секунда промедления с ответом добавляла к стоимости самодельного

крема. Сказать по правде, я и сам не был уверен, что можно заморозить кожу до такой степени, что прямой 200-килограммовый удар будет не так чувствителен, но сказал, что это не дешевое удовольствие, потому что сам крем для этого довольно дорогой да и лидокаин не купишь в Дуйейн Рид.

Они оба понимающе засмеялись, и один из них сказал: «Человек, сделай нам на пробу. Если все работает, как говоришь, мы купим. Можешь завтра днем принести – у нас будет тренеровочный бой...»

Мне и самому было интересно посмотреть, что из этого может получиться, и я назвал символическую цифру \$100, но только, как за пробу.

Как у всякого химика, у меня в холодильнике было полно всякого, что могло бы пригодиться в жизни. Иногда в лабораториях остаются химикаты-полуфабрикаты с просроченным сроком действия. Но нам-то отлично известно, если ампула с составом была запаяна и хранилась в темноте и холоде, то ничего с ней не сделается. Вся эта заморочка с датами срока действия организована исключительно из экономических соображений изготовителя химикатов – чтобы продавать больше продукции. Так что в конце месяца я приглашал на обед с вином нашего старшего лаборанта, старую деву, коротконогую Магду из Трансильвании, и получал, как ответную любезность от нее, просроченные химикаты, подлежащие к истреблению, согласно составленных инвентарных документов. Среди прочего добра были у меня несколь-

ко флаконов 15% лидокаина, который в 5 раз сильнее того, что разрешается официально к наружному употреблению.

По дороге домой я заехал в офис социального страхования для безработных, заполнил там все необходимые документы для получения пособия по безработице и только тогда обратил внимание, что время еще было дополуденное. Чтобы не испытывать себя одиночеством дома, я решил остановиться на ланч в нашем главном тусовочном месте, итальянском ресторане Пияза Ройал с помпезной статуей коня на дыбах при входе, копии с работы Клодта. В свое время, несколько лет назад, что-то очень знакомое мне показалось в этой скульптуре, я разговорился с хозяином ресторана, итальянцем по происхождению. Он рассказал, что слепок этой статуи привезли в подарок его отцу кузены из Неаполя. Тогда-то и стало понятно, чем знаком мне конь — один, точно такой же, стоит на Аничковом мосту в Питере, а в Неаполе находятся его родные братья, подарок русского императора Италии в тысяча затертом году.

В ресторане несколько человек сидели парами за деловым ланчем и две енты перемывали чьи-то косточки за бокалами красного вина. Одну из них я поверхностно знал по собачьим прогулкам, но не видел давненько. Она кивнула мне, как старому знакомому, и предложила место рядом с ними у барной стойки. Мне не хотелось сидеть одному, но и не хотелось давать ей какие-нибудь объяснения о своих обстоятельствах — в это время дня и не на работе. И, тем не менее,

я подсел к ним.

Обе женщины были неопределимого для праздного взгляда возраста с широким диапазоном от 29 до 43 лет. Должно быть природа распорядилась так с нечастыми счастливыми – время для таких как бы замирает. Для них не так важно, в какое время вчера вечером они ели-пили, но на утро они выглядят свежими и бодрыми на теннисном корте, велосипедной тропе или в безудержной зумбе в кругу себе подобных. Им не нужно особенно волноваться о калорийности и последовательности в употреблении пищи. Они, как будто, дразнят всех других своим здоровым видом. Две женщины за барной стойкой принадлежали к такой вот группе избранных людей. Забыл отметить, что чаще всего, они незамужние и из семьи имеют только домашних животных. Женщину, которая пригласила меня, звали Сюзен, и жила она в трех блоках от моего места в доме с видом на канал. Мы с ней пересекались по вечерам на прогулках со своими собаками и иногда даже болтали по несколько минут, пока собакам не надоедала наша беседа ни о чем, и они начинали поскуливать и тянуть каждая в свою сторону. Но последнее время я не встречал ее и сейчас даже не решался спросить, все ли у нее нормально с собакой.

Пока готовили мой сандвич, Сюзен рассказала мне, что собака ее умерла два месяца назад, но она уже не носит траур и «смотрит по сторонам».

Многие американцы довольно средних умственных спо-

собностей без принуждения говорят фразами, которые могут иметь несколько значений, и иногда слушателю непросто определить в каком направлении должна продолжаться беседа. Существует, однако, система обычной беседы, где фразы не имеют никакого особого значения для окружающих. Они, как закапсулированные зрелые мысли или нейтральная закуска пригодны к любому случаю.

Когда собеседников больше, чем два, то нужно быть особенно осторожным, чтобы не навредить самому себе своей же оригинальностью. Особенно иностранцу, с его же собственной подачи легко зарекомендовать себя местным чудачком.

По мере добрососедской необходимости мне приходится встречаться с бывшими русскими гражданами, когда они выражают свое мнение на навсегда чужом для них языке. Мало того, что американцам пожилого поколения был привит пропагандой 60-х через газеты и кино стереотипный образ русского человека-туповатый, многопьющий, но не пьянеющий угрюмец с сильным акцентом, который смеется собственным шуткам, но не реагирует на шутки других, новое поколение русских на самом деле не слишком отличается от комического 60-ти летнего стереотипа. Еще худшее впечатление он оставляет о себе американцам, если начинает демонстрировать свое умственное или финансовое превосходство.

Я испытывал это столько раз, сколько начинал работать на новом месте. Другое дело, что на работе человек может до-

казать своим трудом, что акцент всего лишь черта его иностранного происхождения, но не больше. Однако при социальных, внерабочих, отношениях совместимость с местными подвергается более глубокому анализу с обеих сторон.

Наши 5-ти минутные стрелки с Сюзен на собачьей почве, и те имели явную полярность, когда по недосмотру я рассказывал ей, что живя в России, мы кормили всех наших собак мясным перловым супом, от которого у тех не было особых проблем. Она не могла понять, как это у простого человека, без прислуги, находится время, чтобы готовить для собаки. А если он еще работает сам? Когда у нее, одинокой женщины, не хватает времени приготовить для себя, и она вынуждена или питаться, чем попало или идти есть в ресторан и выбрасывать деньги на ветер. Однажды во время одного подобного разговора я чуть было не проговорился и не рассказал ей, что думаю по этому поводу, но все обошлось: начался дождь и мы разбежались.

Нельзя сказать, что с того раза я значительно поумнел, а точнее сказать, мог держать свой язык за зубами в случаях, когда это стоило бы сделать. Нет, несмотря на свою критику в адрес земляков, сам я бываю грешен и неосмотрителен.

Сюзен спросила меня, что это я делаю в такое время дня, уж не потерял ли я работу. Мне не было причины что-либо скрывать, и я просто кивнул в знак согласия. Должно быть знаков грусти или испуга было в недостаточном количестве на моем лице, и Сюзен нарочито уверенно сказала, что и на

пособие по безработице никто еще не умирал с голоду. Наверняка, ее пособие по безработице было не федеральным и не штатским, а было кругленькой цифрой, вынесенной решением суда ее бывшему мужу, как не хилое дополнение к дому с пристанью, двумя машинами и пожизненным членством в местном country club.

Она глотнула из своего фужера и продолжала: «Не грусти, забей на все до осени. Все равно ничего дельного летом не найдешь, только хлопоты мотаться на интервью. Лучше займись серьезно своим здоровьем: бегай по утрам, освой скалозание или еще чего-нибудь захватывающее сердце мужчин. Ты, кстати говоря, в теннис случайно не играешь? У нас в клубе будет чемпионат смешанных пар, но двум женщинам не разрешают выступать вместе, даже если они лесбо и могут представить брачное свидетельство. Хочешь играть со мной?»

– А что случилось с твоим партнером? Он не игает больше?

– Да играть-то он играет, но прошлой осенью у него был минн строк, сам-то он ничего, но на лице – постоянная улыбка. Я чувствовала себя неловко, когда говорила с ним. Он, вроде как, это понял и ушел играть мужские пары.

– Все это так неожиданно: в пятницу – увольнение, в понедельник – смешанная лига в теннис. Я давно не играл на турнирах, да и взносы в твоем клубе, как жалование за месяц работы, который у меня к тому же нет.

– Не волнуйся о взносах – у меня с клубом предоплата сделана на всю оставшуюся жизнь, и в женской массажной даже есть биде с моим именем, как бенифакторши.

Теперь вы можете понять, как сложно общаться с американцами с глазу на глаз: это неважно, что ты знаешь в крат раз больше про их же культуру, историю и другое. Важно быть в их груве естественно, а не как Штирлиц – в тылу у врага.

Как мог я отказать ей, этой вечно молодой и загорелой? По какой причине и на каком основании?

С тех пор, как я перестал недоговаривать что-то другим а заодно и себе, жизнь моя качественно изменилась и упростилась. какой смысл помнить все надуманные уловки и псевдо причины для искусственного баланса, если можно сократить числитель со знаменателем, а остальное округлить до простого числа и быть ясным для себя и для других. Так я стараюсь действовать последние годы.

У меня и действительно нет ничего конкретного, чтобы помешало мне пойти и поиграть в смешанный теннис. Но, как игрок в покер, я понимаю, что Сюзен со своим щедрым предложением может просто блефовать, например, из жалости к тому, что я потерял работу, в знак утешения вроде.

Я говорю ей что согласен попробовать в среду, если успею к тому времени перетянуть струны на ракетке.

По ее лицу непонятно, рада ли она моему согласию или нет, и чтобы не напрягать ее, даю ей возможность отменить

предложенное: «Только, знаешь, я правша и предпочитаю стратегическую игру атлетической беготне.»

Она смотрит на этот раз на меня с другого сорта улыбкой: «Мужчины нашего возраста все стратеги: любят стоять сзади и следить не только за мячом, но и за трусами партнерши. Ты думаешь, твоя старушка не будет против такого возражать?»

– Это трудно сказать наверняка. Мы же не будем из этого делать секрета от всего света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.